

Научная статья

УДК 81'36

DOI 10.17223/18137083/82/19

Артефакт «юрта» как объект киргизской и тувинской лингвокультуры

Замира Касымбековна Дербешева

Кыргызско-Турецкий университет «Манас»
Бишкек, Кыргызстан

zamira.derbisheva@manas.edu.kg, <http://orcid.org/0000-0003-4333-4425>

Аннотация

Рассматривается артефакт «юрта» в терминах когнитивной лингвистики, который представлен концептами *БОЗ ҮЙ* и *ӨГ*. Лингвокультурный анализ данных концептов позволил выявить специфику этноязыкового восприятия, раскрывающего роль, место и значимость юрты в жизни киргизского и тувинского народов. В структуре данных концептов когнитивно-понятийное ядро раскрывает элементы познавательного осмысления юрты, связанные с ее пространственной сегментацией, детализацией фрагментов, функциональным назначением атрибутов юрты. Образно-символический уровень концептов демонстрирует результаты чувственно-ассоциативного восприятия юрты в тувинском языке через символизацию пространства, в киргизском языке через символизацию предметов. Культурно-ценностный уровень концептов эксплицирует тезис о том, что юрта у тувинцев и киргизов является средоточием культурных традиций, обрядов, обычаев, идущих из глубин веков.

Ключевые слова

киргизский язык, тувинский язык, концепт, лингвокогнитивный, лингвокультурный, языковая вербализация, языковая картина мира, юрта

Для цитирования

Дербешева З. К. Артефакт «юрта» как объект киргизской и тувинской лингвокультуры // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 257–271. DOI 10.17223/18137083/82/19

© Дербешева З. К., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 257–271
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 257–271

The artifact “yurt” as an object of Kyrgyz and Tuvan linguoculture

Zamira K. Derbisheva

Kyrgyz-Turkish Manas University
Bishkek, Kyrgyzstan

zamira.derbisheva@manas.edu.kg, <http://orcid.org/0000-0003-4333-4425>

Abstract

The “yurt” artifact is a part of the Kyrgyz and Tuvan peoples’ systems of cultural values. As a cognitive mechanism, language offers its own linguistic and creative interpretation. This paper considers the artifact “Yurt” in terms of cognitive linguistics by analyzing the concepts of *boz üy* and *өг*. The linguistic and cultural analysis of these concepts made it possible to reveal the specificity of their ethnolinguistic perception that discovers the role, place, and significance of “yurt” in the linguistic worldview of the Kyrgyz and the Tuvan peoples. Common cultural and linguistic roots of the Kyrgyz and Tuvan people and their long-term coexistence in the historical arena have predetermined the significance of parallels and correspondences in the cognitive-semantic scope of the concepts *boz üy* and *өг*. The cognitive and conceptual core of these concepts’ structure reveals the elements of the cognitive comprehension of “yurt” associated with its spatial segmentation, specification of its fragments, and the functionality of its attributes. The figurative-symbolic level of the concepts demonstrates the results of the sensory-associative perception of the yurt. In the Tuvan language, it is the symbolization of space, and in the Kyrgyz language, it is the symbolization of objects. The value-cultural level of the concepts under consideration explicates the thesis that “yurt” is the focus of cultural traditions, rituals, and customs for Tuvan and Kyrgyz peoples that have lasted since time immemorial.

Keywords

Kyrgyz language, Tuvan language, concept, linguistic and cognitive, linguistic and cultural, linguistic verbalization, linguistic world picture, yurt

For citation

Derbisheva Z. K. The artifact “yurt” as an object of Kyrgyz and Tuvan linguoculture. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 257–271. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/19

Введение

Юрта – переносное деревянно-войлочное каркасное строение с куполом у кочевых народов. Издревле она приспособлена для кочевого образа жизни. Многие современные тюркские народы, несмотря на оседлый образ жизни, донесли до наших дней этот атрибут своей культуры и стремятся сохранить юрту не только как культурно-исторический артефакт своего кочевого прошлого, но и как реалию повседневной жизни, которая в современных условиях приобрела новые функции. В нашей статье речь пойдет о киргизской и тувинской юрте, которая будет рассмотрена через призму языка как инструмента познания мира. Выбор этих двух языков вызван интересом автора относительно того, насколько эти родственные языки, будучи разделенными историей, огромной временной и пространственной дистанцией, сохранили или утратили культурно-ментальные связи.

Об общих этнических и языковых корнях киргизского и тувинского народов доказательно сообщается в статье З. В. Анайбан и М. Х. Маннай-оол «Происхож-

дение тувинцев. История вопроса» [2013]. Ссылаясь на мнение ученых-тувиноведов, они констатируют, что «... в конце XIII–XIV вв. этнический состав населения Тувы уже включал в основном те группы, которые приняли участие в формировании тувинского народа, – потомков тюрков-тугю, уйгуров, *кыргызов* (выделено нами. – З. Д.), монголов, а также самодийские и кетоязычные племена (Тюркские народы Восточной Сибири, 2008: 23)» [Там же, с. 21]. Подтверждая тюркоязычное родство тувинцев, авторы апеллируют к заключению тюрколога В. В. Радлова: о том, что тувинцы «говорят на турецком (т. е. тюркском. – З. А., М. М.) языке», а по происхождению они «представляют смешанную из киргизов, самоедов и енисейских остяков народность» [Там же, с. 24]. Тувинское название юрты *өг* и киргизское *уй* имеют общетюркское происхождение, основным значением которого является ‘дом’. В киргизском языке закрепилось словосочетание *боз уй*, что означает «серый дом».

Концепты *БОЗ УЙ* и *ӨГ* представляют реалии, имеющие несомненную культурную ценность для тувинского и киргизского народов, и на этом основании их можно отнести к ключевым концептам национальной картины мира. Тувинский ученый Ч. К. Ламажаа к концептам тувинской культуры относит такие понятия, как: *төрээн черим* ‘родная земля’, *авай* ‘мама’, *ачай* ‘папа’, *ада-ие* ‘отец-мать’, ‘родители’, *мал* ‘скот’, *хун* ‘Солнце’, ‘день’, *Шагаа* (празднование Нового года по лунному календарю) и мн. др. По мнению Ч. К. Ламажаа, «это слова-образы, имеющие огромное значение в жизни человека, которые он понимает в обиходной жизни, которые составляют важные части его существования, являются в том числе мыслительными маркерами его идентичности, и которые сращены с другими образами повседневности» [2012, с. 33]. В этом контексте можно говорить о мировоззренческой ценности киргизского концепта *БОЗ УЙ* и тувинского концепта *ӨГ*, которые будут описаны по методике лингвокогнитивного анализа (см. [Степанов, 2004; Воркачев, 2004; Слышкин, 2004; Карасик, 2004; Попова, Стернин, 2007]).

Концепты *БОЗ УЙ* и *ӨГ* будут изучены с точки зрения языковой вербализации (лексико-фразеологической, паремиологической), и на основе семантического анализа языковых единиц будет смоделирована структура данных концептов, состоящая из понятийно-когнитивного ядра, образно-символического и культурно-ценностного уровней.

1. Лингвокогнитивный анализ лексических номинаций концептов *БОЗ УЙ* и *ӨГ*

Для раскрытия языковой картины мира лингвисты обращаются прежде всего к лексике языка. Лексика, будучи огромным хранилищем словарного состава языка, по своим правилам воплощает разные фрагменты картины мира. При количественном и качественном измерении лексической вербализации в лингвокогнитивных исследованиях используется термин «номинативная плотность», предложенный В. И. Карасиком. Под номинативной плотностью понимается степень детальности языкового обозначения определенного концептуального пространства, «детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» [Карасик, 2004, с. 112]. Хрестоматийными иллюстрациями фактора номинативной плотности стали примеры с многочисленными лексическими номинациями снега у северных народов, раз-

новидностей песка у жителей пустыни, детальных обозначений фрагментов горного ландшафта у горцев и т. д. [Карасик, 2004, с. 112].

В этом плане концепты *БОЗ УЙ* и *ӨГ* в киргизском и тувинском языках демонстрируют высокую степень номинативной плотности, которая реализуется в десятках лексических номинаций, детализирующих внешний облик юрты, виды деревянных конструкций, войлочных покрытий, предметов внутреннего убранства, бытовых принадлежностей и т. д. (см. таблицу)¹

Когнитивные признаки, присущие первой лексической группе:

1) актуализация пространственных параметров юрты (верх, низ, передняя, задняя часть);

2) конкретизация формы деталей конструкций юрты (вогнутый, круглый и др.).

3) функциональное назначение частей юрты (для прохождения дыма, для подпорки и т. д.).

Вторая группа лексики актуализирует общие для двух языков когнитивные признаки:

1) характер материала покрытия юрты;

2) признак локального размещения деталей юрты.

Следующий дифференцирующий когнитивный признак характеризует тувинскую юрту:

1) признак большей значимости деталей юрты (главное покрытие).

В киргизских номинациях кошмы (третья лексическая группа) дифференциация идет на основании колоративного признака изделия:

Киргизский язык

ширдак ‘киргизский палас ручной работы, предназначенный для настила в юрте’.

Тувинский язык

ширтек ‘сотканый из белой шерсти овцы, войлок для настила в юрте’;
дөр ширтээ ‘настил для хозяина юрты’;
дөжөк баарының ширтээ ‘настил для хозяйки юрты’;
чүък баарының ширтээ ‘настил для гостей’;
эжик аксынга тас алгы чадар ‘настил из шкуры коровы у двери’.

Когнитивный дифференцирующий аспект связан с большей языковой детализацией видов ширтека по признаку его субъектного назначения в тувинском языке, например:

Киргизский язык

жук ‘горка в глубине юрты из сложенных друг на друга разноцветных стеганых одеял и подушек’;
төшөк ‘толстая матерчатая подстилка, которую набивают шерстью или ватой’.

Тувинский язык

чүък ‘выюк для постельных принадлежностей’;
барба, таалың ‘кожаные мешки для вещей, одежды’;
сыртык бажы ‘валиковая подушка у изголовья’;
дөжөк ‘постель’.

¹ Примеры языковых обозначений киргизской юрты взяты из Киргизско-русского словаря К. К. Юдахина [1985]; примеры тувинской лексики – из Тувинско-русского словаря под ред. Э. Р. Тенишева [1968], многие примеры взяты из статьи М. С. Байыр-оол [2013].

Лексическая вербализация концептов
Lexical verbalization of concepts

№ п/п	Лексическая группа	Язык	
		киргизский	тувинский
1	Лексика, обозначающая деревянный каркас юрты	<p><i>кереге</i> 'раздвижные деревянные решётки, составляющие круговой остов юрты';</p> <p><i>түндүк</i> 'деревянное кольцо-обод на верхушке юрты, подпираемое жердями (уук)';</p> <p><i>уук</i> 'унина (<i>изогнутые жерди, формирующие купол юрты</i>), поддерживающие <i>түндүк</i>';</p> <p><i>босого</i> 'дверная рама-косяк';</p> <p><i>чамгарак</i> 'вогнутые перекладыны, вставляемые крест-накрест по диаметру <i>түндүк'а</i>';</p> <p><i>бакан</i> 'шест, которым поднимают войлочные кошмы и верхний обод юрты'</p>	<p><i>хана</i> 'сборно-раздвижное основание юрты, которое состоит из отдельных секций решето <i>дүндүк</i> 'дымовое отверстие юрты' (ТРС);</p> <p><i>хараача</i> 'большой обруч наверху юрты для закрепления жердей' (ТРС);</p> <p><i>ынаалар</i> 'длинные деревянные жерди, образующие крышу юрты';</p> <p><i>эжик</i> 'дверь';</p> <p><i>бозага</i> 'порог';</p> <p><i>багана</i> 1) 'столб'; 2) 'подпорка, <i>багана</i> (в юрте)';</p> <p><i>адыр ыяш</i> 'жердь с сучками для подпорки'</p>
2	Лексика, обозначающая войлочные части юрты	<p><i>туурдук</i> 'войлочное покрытие (кошма – их четыре), которым обтягивается юрта по нижнему основанию';</p> <p><i>босого туурдук</i> 'два передних <i>туурдук'а</i>';</p> <p><i>төркү туурдук</i> 'два задних <i>туурдук'а</i>';</p> <p><i>туурдук боо</i> 'канаты для <i>туурдук'а</i>';</p> <p><i>узук</i> 'войлочные кошмы (их две), покрывающие купол юрты'</p>	<p><i>хаяапча</i> 'войлочное покрытие вокруг нижней части юрты';</p> <p><i>өреге</i> 'войлочное покрытие верхней части (<i>хараача</i>) юрты';</p> <p><i>адаккы</i> 'войлочное покрытие для стен юрты';</p> <p><i>дээвиир</i> 'войлочная кровля юрты'</p>
3	Лексика, обозначающая предметы внутреннего убранства юрты	<p><i>кийиз</i> 'темная кошма из однотонного войлока';</p> <p><i>ала кийиз</i> 'кошма, украшенная набивным орнаментом из цветного войлока'</p>	<p><i>кидис</i> 'войлок, кошма, войлочный'</p>

Окончание таблицы

№ п/п	Лексическая группа	Язык	
		киргизский	тувинский
4	Лексика, обозначающая изделия для сборки и скрепления	<p><i>туурдук боо</i> ‘верёвки, которыми прикрепляется <i>туурдук</i>’; <i>жел боо (тундук боо)</i> ‘шнуры для закрепления <i>тундука</i>’; <i>узук боо</i> ‘шнуры для закрепления верхних войлочных покрытий’; <i>кереге чалгыч</i> ‘верёвки для скрепления решетчатых фрагментов юрты (<i>кереге</i>)’; <i>саканак чалгыч</i> ‘короткие палочки <i>кереге</i> (их по четыре в каждом канате)’; <i>тегирич</i> ‘узкое домотканое, суровое полотно, которым украшают юрту по внутренней окружности’</p>	<p><i>базырык, куржангы</i> ‘волосяные шнуры для закрепления верхних и нижних частей юрты’; <i>кур</i> ‘войлочные пояса из шерсти яка или гривы коня для укрепления юрты изнутри и снаружи’; <i>иитии кур</i> ‘пояс, закрепляющий сверху решётку юрты’; <i>даштымы кур</i> ‘пояс, стягивающий сверху войлок юрты’; <i>илдиргелээр</i> ‘петли для скрепления жердей юрты’</p>
5	Лексика, обозначающая бытовые предметы юрты	<p><i>көлдөлөң</i> ‘декоративная подстилка из для сидения, которую шьют из длинношерстной овечьей шкуры’; <i>жагдан</i> ‘кованый сундук, отделанный кожей, предназначался для хранения продуктов’; <i>сандык</i> ‘деревянный сундук для хранения ценных вещей’; <i>чанач</i> ‘бурдюк из цельной прокопчённой козлиной шкуры, которую используют для взбивания и хранения кумыса’; <i>туш кийиз</i> ‘рукодельный настенный ковёр, орнаментированный вышивкой и лоскутными узорами из дорогих тканей’; <i>көшөгө</i> ‘занавес, отделяющий постель новобрачных или молодых супругов’; <i>тулга</i> ‘таган-треног для казана’</p>	<p><i>үлгүүр</i> ‘кухонный шкафчик’; <i>антара</i> ‘сундук’; <i>хойтпактыг доскаар</i> ‘бочка с заквашенным молоком’; <i>көгээржик</i> ‘кожаная фляжка для кумыса или араки’ (TRC)</p>

В наименованиях постельных принадлежностей в тувинском языке следует отметить номинативную детализацию, связанную с когнитивным признаком функционального назначения предметов.

В обоих языках семантическая детализация лексики, обозначающей изделия для сборки и скрепления частей и деталей юрты, достаточно высока (см. таблицу). Когнитивный интегрирующий признак в языковых номинациях относится к объектам скрепления (войлочных и деревянных объектов юрты). Когнитивный дифференцирующий признак, отличающий тувинские номинации от киргизских, связан с учетом локализации скрепления.

Когнитивный дифференцирующий признак в языковых номинациях бытовых предметов (см. таблицу) связан с материалом изготовления этих предметов и их функцией.

Таким образом, изучение тематической лексики, вербализующей концепты *БОЗ УЙ* и *ӨГ* в киргизском и тувинском языках, дает возможность сделать выводы о том, что степень лексической детализации одинаково высока в обоих языках, что свидетельствует об аксиологической значимости рассматриваемых концептов в культуре киргизов и тувинцев.

Исходя из когнитивно-семантического анализа единиц лексической вербализации, обозначающей атрибуты киргизской и тувинской юрты, можно раскрыть содержание понятийно-когнитивного ядра концептов *БОЗ УЙ* и *ӨГ*.

1. Высокая степень лексической вербализации свидетельствует о когнитивно-аксиологической значимости всех атрибутов юрты.

2. Богатство лексики, отражающей внутреннее убранство юрты, демонстрирует, с одной стороны, бесспорность утилитарной ценности предметов быта и, с другой стороны, значимость эстетического фактора в их оформлении.

3. Исходя из названий типов юрты в истории киргизского и тувинского народов, можно утверждать, что юрта являлась индикатором социального и материального благополучия.

4. Пространство киргизской и тувинской юрты имеет функциональную сегментацию по гендерному, хозяйственно-бытовому, социально-статусному параметрам.

5. В восприятии юрты у тувинцев и киргизов присутствует двойственный подход: целостный и дискретный. Целостность восприятия юрты подтверждается тесной ассоциативной связью с концептом *СЕМЬЯ*, со всем мирозданием. Вместе с тем тенденция к культурно-символическому осмыслению названия каждого фрагмента юрты свидетельствует о дискретном восприятии юрты.

Лексическое разнообразие наименований атрибутов юрты дает также основание для выводов о некоторых культурологических различиях в традиционных предпочтениях в оформлении юрты. Об этом свидетельствует высокая номинативная плотность наименований, связанных с деревянными принадлежностями, в тувинском языке и большая степень детализации наименований мягких изделий в киргизском языке.

Лексическая вербализация представила более подробную номинацию предметов бытового назначения в тувинском языке. М. С. Байыр-оол дает следующие разъяснения: «...в левой стороне находится *антара* ‘сундук’, *доскаар* ‘бочка’ с *хойтпаком* (особым образом заквашенное молоко), а также жердь с сучками (*адыр ыяш*), на которую вешаются уздечки, *аргамчы* ‘аркан, путы’ и др. Там же укладывались седла. Рядом зимой в легкой оградке из жердей помещали новорожденных домашних животных» [2013, с. 75–76]. Отличительной особенностью

обстановки тувинских юрт является разнообразие деревянных принадлежностей внутреннего убранства юрты (шкафы, бочки, низкие столики, кровати и т. п.). «Внутреннее убранство и предметы юрты изготавливались из дерева, кожи, войлока в условиях домашнего производства и по размерам и материалу были приспособлены к кочевому образу жизни» [Шойдук, 2019, с. 309].

С лингвокультурологической точки зрения интерес представляет такой атрибут тувинской и киргизской юрты, как *чүък-жүк*. Вьюк с постельными принадлежностями (*чүък*) тувинцы складывали на деревянные настилы. В кожаные мешки (*барба, таалың*) каждое утро после ночного сна убиралась одежда, меховые одеяла. В киргизской юрте этим предметам также уделяется особое внимание. *Жүк* является декоративной частью убранства юрты и располагается вдоль задней стенки юрты, выше очага. В условиях сурового горного климата теплые стеганые одеяла, набитые овечьей шерстью, были главным предметом быта кочевого образа жизни, который оберегал от холода. Наутро после сна их также складывали поверх сундука. Но даже эту бытовую процедуру следовало выполнять с особой сноровкой, по которой оценивали умения киргизской женщины. Умение состояло в том, чтобы все эти одеяла были ровно сложены друг на друга, с особой тщательностью, в симметричную горку. Такое убранство большого количества одеял становилось украшением юрты [Акматалиев, 1996].

Непрерывной принадлежностью киргизских и тувинских юрт являются настилы (*ширдак* и *ширтек*). Из статьи М. С. Байыр-оол мы видим, что у тувинцев выделяется три разновидности настила, каждый из которых имеет определенное назначение: для гостей (*чүък баарының ширтээ*), для хозяйки юрты (*дөжөк баарының ширтээ*), для хозяина юрты (*дөр ширтээ*) [Байыр-оол, 2013, с. 73–75].

Процесс изготовления киргизского *ширдака* и тувинского *ширтека* во многом совпадает. Киргизский *ширдак* имеет два слоя, нижний слой из однотонной кошмы составляет основу *ширдака*, на который накладывается верхний декоративный слой, сшитый из вырезанных из разноцветного войлока национальных орнаментов; поверх *ширдака* стелятся мягкие подстилки из овечьих шкур (*көлдөлөң, төшөк*). В описании *ширтека* у Л. Ш. Шойдук мы находим схожие способы обработки изделия: «...делали из нескольких слоев войлока, прошитых белой шерстяной нитью. Стежок делали скрытым швом, образовывавшим на поверхности малозаметную пунктирную линию. Края коврика, которые обращены к центру юрты, обшивались цветной тканью, предпочтительно красной, и черной шерстяной тесьмой» [2019, с. 312]. Отличия касаются лишь деталей, а именно киргизский *ширдак* имел прямоугольную форму, был больше по размеру (2 × 4 м), тогда как тувинские *ширтеки* были маленькими, имели «трапециевидную форму, причем широкая сторона была слегка округлой» [Там же].

В структуру лексической вербализации концептов *БОЗ ҮЙ* и *ӨГ* входят также названия, связанные с пространственным делением внутренней части юрты. В киргизских обозначениях выделяются: мужская часть (*эр жак*) с левой стороны от входа и женская часть (*эпчи жак*) с правой стороны; место за очагом в глубине по центру считалось почетным и называлось *төр*. Соответственно в мужской части юрты слева от двери (*улага*) находились конское снаряжение и личные вещи мужчин; в женской части – предметы домашней утвари и продукты питания. Она была отделена специальной ширмой из циновки длиной примерно в один пролет решетчатого остова юрты *канат*. Это пространство называлось *чыгдан*. В центре располагался очаг (*коломто* или *очок*). В траурной же юрте из этого пространственного деления юрты, в зависимости от пола умершего, оставалось только деле-

ние на мужскую и женскую части. Мужчину покойника до выноса тела для погребения располагали в мужской части слева, женщину – в женской части юрты, справа. Этот обычай соблюдался в строжайшем порядке. Границы остального пространства стирались [Кочкунов, 2008, с. 144].

Планировка внутреннего пространства тувинской юрты в общих чертах совпадает с киргизской юртой. Выделяются мужская и женская половины юрты (*эр* и *кыс тала*) [Цыбенова, 2020, с. 103]. Самая отдаленная от двери часть – перед расписными сундуками – также называется *дөр*, которое является почетным местом для главы семьи или гостей [Шойдук, 2019, с. 313]. Напротив входа, в центре юрты, находится *одаг* (очаг) ‘семейный, хозяйственный и сакральный центр жилища’. Очаг помещался в небольшой ямке на круглой, овальной площадке, огороженный жердочками или камнями [Байыр-оол, 2013, с. 73].

Относительно языковых обозначений типов тувинской юрты у Л. Ш. Шойдук находим: «Основным видом жилища у кочевых скотоводов в Туве, как и у других тюрко-монгольских кочевников, являлась войлочная юрта (*кидис өг*), история которой насчитывает несколько столетий» [Шойдук, 2019, с. 303]. В словаре Э. Тенишева приводятся наименования нескольких разновидностей тувинской юрты: *алажсы өг* ‘конусообразная юрта’; *кидис өг* ‘круглая войлочная юрта’; *ыяш өг* ‘деревянная юрта’ [ТРС, 1968]. В древности внешний вид юрты указывал на социальный статус ее владельца. А. П. Ермолаев в начале XX в. писал, что «величина юрты и цвет ее войлоков сразу говорят о достатке ее владельца». В белой большой юрте (диаметр около 20 м) живут люди состоятельные, «скотные», в малой и чёрной (диаметр около 5 м) – хозяева-бедняки [Ермолаев, 1919, с. 26]. Социально-классовый фактор дифференциации лежит и в основе видов киргизской юрты: *ак үй* ‘белый дом’, *ордо* ‘ставка бия’ (аристократический титул), *боз үй* ‘серый дом’. Белая юрта является символом материального достатка [Алымбаева, 2016, с. 42].

2. Образно-символический контент концептов *БОЗ ҮЙ* и *ӨГ*

Образно-символический уровень концепта формируется в тувинском и киргизском языках на основе метафор и идиом. Большой интерес представляет восприятие тувинской юрты в контексте восточного календаря через символы зодиакальных животных. Всё внутреннее пространство тувинской юрты поделено на двенадцать зон, каждая из которых соответствует определенному животному. Сведения о сегментации жилища в соответствии с названиями двенадцатилетнего животного цикла приводятся в статье М. С. Байыр-оол: «Символические наименования частей жилого пространства юрты: почетная часть обозначалась как “мышь” – символ богатства, поскольку здесь стояли сундуки с наиболее ценными вещами, дома – промежуток между почетной частью и началом кровати именовался “корова”, что должно было символизировать достаток. Затем “тигр” – символ власти и мужества – место хозяина, “заяц” – символ кротости и покорности – место у заднего конца кровати, где сидела хозяйка, “дракон” – властитель неба, символ небесных и земных даров – начало стороны с продуктами, “змея” – символ влаги и земли – пространство между сундуком *бут антара* и посудной этажеркой, где хранился на трех колышках чугунный котел и стояли чайник, деревянные ведерки с водой, “лошадь” – символ подвижности – пространство у входа, так как за ним, в 10–15 шагах к западу, находилась коновязь, “овцы” – символ

нуждающихся в попечении животных и людей – внутреннее пространство жилища слева от входа, куда помещали новорожденных животных и где сидели бедняки, пришедшие за помощью, “обезьяна” – высшее животное – олицетворение места, где хранились бурдюк с кумысом, конская упряжь и оружие, “петух” – символ плодородия и молодости – место предназначенное для молодых мужчин, сыновей, хозяина, “собака” – символ преданности – начало пространства для размещения гостей-мужчин, “кабан” – символ сытости – начало размещения сундуков с ценным имуществом» [Байыр-оол, 2013, с. 75]. Метафорическое моделирование пространства своего жилища свидетельствует о доминировании у носителей тувинского языка образного мышления и склонности к символизации.

Символический аспект концепта *БОЗ ҮЙ* в киргизском языке активно проявляется во фразеологизмах. Название каждого фрагмента имеет символическую нагрузку. Очень много идиом, связанных с *тундуком*. *Тундук* в качестве важного символа отражен и на гербе и флаге страны. Самый главный смысл *тундука* во фразеологизмах связан с успехом, с достижениями. Ср.: *Түндүгү бийик болуу* ‘тундук на высоте’, *түндүгүн көтөрүү* ‘поднимать тундук’, *түндүгүнөн куюлуп туруу* ‘льется свет блага из тундука’. В следующих идиомах в качестве символов выступают номинации других фрагментов юрты. Ср.: *керегеси май болуу* (букв. *кереге* покрылось жиром) ‘у него всего стало в изобилии’; в старом быту запасы мяса развешивались на *кереге*; *туурдугу май* (букв. его *туурдук* в жире) ‘он живёт в достатке’; *кара чамгарак* ‘отцовская юрта’ (букв. чёрный *чамгарак*), которая по наследству переходила к младшему сыну; *түтүн кыдыр* (досл. дым + бродить) ‘шататься по аулам’ (ныне *цутл.* по квартирам знакомых) в поисках угощения; *төр кары* (букв. почетное место в юрте + старая) *диал.* ‘старая дева’; *коломто ырчы* (досл. очаг + певец) ‘исполнитель местного значения’. Символы юрты используются часто для оценки достоинств мужчины. Ср.: *ууктай узун* (букв. высокий как верхняя жердь), *бакандай азамат* (под стать бакану), *чийдин тубун тешкен жигит* (джигит, способный пробить в глубину стебель чия).

Номинации отдельных фрагментов юрты выполняют символическую функцию в формулах благопожелания (*бата*): *түндүгүңдөн түтүн үзүлбөсүн* ‘пусть не иссякает дым над твоей юртой’; *чамгарагың көтөрүлсүн* ‘пусть выше поднимается *чамгарак* твоей юрты’; *очогуң өчпөсүн* ‘пусть не гаснет твой очаг’; *түндүгүң бийик болсун* ‘пусть твой *тундук* будет высоким’, *керегең бек болсун* ‘пусть *кереге* будет прочным’; *коломтоң сапырылбасын* ‘пусть никогда не будет разрушен и развеян твой очаг’.

Символический потенциал названий деталей киргизской юрты настолько высок, что наблюдается расширение коннотативных функций этих слов. Наряду с положительными признаками, в идиомах выражены и негативные установки. Здесь символы юрты используются для выражения проклятия: *үйүң күйгүр* ‘чтобы сгорел твой дом’; *түндүгүң түшсүн* ‘пусть обрушится твой *тундук*’; пожелание смерти: *чыгдандын ары жагында кал* (букв. чтобы ты остался за *чыгданом* (загородка из чия, которой в юрте отгораживали покойника до выноса тела)). Немало идиом, которые через символы юрты выражают негативные деструктивные действия. Ср.: *кызыл кереге кылуу* (букв. *кереге* окрасить красным) – подвергнуть разрушению; ср.: *айыл кызыл кереге болду* (букв. *кереге* покрылось красным) ‘аул разгромлен и разграблен’; *кызыл уук кылуу* ‘разрушить’ (букв. раскрасить жерди красным); *керегени баса көктөө* ‘оказывать на кого-то силовое воздействие’ (букв. сдавить *кереге*); *керегесин жайдактоо* ‘обряд во время траура, при котором с юрты снимали войлочное покрытие’; *туурдугу сыйрылуу* ‘быть разгромленным

(врагом) (букв. сорвать *туурдук*); ср.: *туурдугу сыйрылган эмес* ‘он не подвергался разгрому и не трогался со своего стойбища; он всегда жил в покое’; *коломтону сапыруу* ‘начисто уничтожить’ (букв. развеять золу в очаге); *коломтосун сыйпалатуу* ‘уничтожить, исчезнуть, не оставив камня на камне’ (букв. чтобы от негодования шарил по земле (по полу) руками в поисках своего очага). По данным выражениям, можно понять не только сугубо бытовую, но и мировоззренческую значимость юрты для киргиза. Несмотря на метафорический характер идиом, тем не менее можно гипотетически совершить историко-культурный экскурс в прошлое киргизов, для которых юрта была и защитой и вместе с тем объектом нападения врагов.

3. Культурно-ценностный контент концептов *БОЗ ҮЙ* и *ӨГ*

Юрта – это особый язык национальных традиций. У киргизов юрту обычно собирали и ставили женщины, мужчины поднимали только *тундук*. При установлении *тундука* юрты приглашали самого уважаемого старейшину (аксакала) села для получения благословения. В знак благодарности его облачали в белую рубашку и повязывали белым кушаком. После возведения юрты приглашали уважаемую *байбиче* (женщину преклонного возраста), которая с порога проводила обряд обсыпания сладостями. В некоторых районах Киргизии вместо сладостей порог опрыскивали молоком или обсыпали мукой. Ритуал сопровождался словами *береке болсун үйүңүздө!* ‘пусть в вашем доме будет изобилие’; *конушуң кут болсун, үйүңө ырыскы толсун!* ‘пусть дом будет наполнен счастьем’. Церемонии завершались жертвоприношением барана, которое сопровождалось молитвой, обращением к богу; все родственники, раскрыв ладони, просили благополучия. Для того чтобы в доме было покойно, на *чамгарак* (перекладины на *тундуке*) привязывали белый платок или белую вату. Для разведения огня в очаге приглашали гостей из благополучной многодетной семьи с верой в то, что в доме родится много детей и пребудет удача.

Как следует из приведенных данных, в киргизской традиции обряды, связанные с юртой, носят семейно-бытовой характер. Факты тувинского языка показывают, что в тувинских обрядах преобладает культурно-религиозная специфика. Основное своеобразие при этом проявляется в синтезе элементов буддистских и шаманистских ритуалов. Об этом свидетельствует обряд освящения очага, для которого приглашался лама-учитель; для него готовили специальное угощение, после трапезы он лепил из толокна (*далган-талган*) фигурку серого или рыжего козлика (*серге*), ставил его на дощечку и читал молитву (*судур*). Обряду освящения очага тувинцы придавали особое значение. По словам М. С. Байыр-оол, сибирская зима, сопровождавшаяся жестокими морозами, глубокими снегами, болезнями, была для тувинцев серьезным испытанием [2013, с. 73].

Интересные культурно-ценностные сведения о юрте находим в пословицах и поговорках. Киргизские паремии о юрте имеют социокультурный смысл, раскрывающий стиль взаимоотношений среди родных и близких.

Абышка өлсө – ат бошойт, Кемпир өлсө – төр бошойт ‘Умрёт старик – конь освободится, умрёт старуха – почётное место освободится’. Эта поговорка отражает определенный ментальный стереотип, характеризующий стиль отношений в киргизской традиции, а именно преемственность поколений; власть и уважение передаются младшим после ухода старших.

Бакылдаган текени суу кечкенде көрөбүз, Шакылдаган жеңени үй чечкенде көрөбүз. ‘На горластого козла посмотрим при переправе реки, на языкастую сноху посмотрим при разборе юрты’. В данной пословице явно присутствует лингвокультурный колорит, в котором предстает картинка из традиционной жизни киргизов. Как уже было сказано, установлением и разбиранием (демонтажем) юрты в основном занимаются женщины, точнее невестки, снохи. При этом они проявляют сноровку и мастерство. По этим умениям судят о достоинствах молодых женщин.

Керегем сага айтам, келиним сен ук, Уугум сага айтам, уулум сен ук ‘Тебе, стена (*кереге*), говорю, а ты, сноха, прислушайся, тебе, унина (*уук*), говорю, а ты, сынок, прислушайся’. Данное выражение демонстрирует характер этических отношений в киргизской семье. В старой традиции между снохой и свекровью бытовали, как правило, сдержанные отношения. Чтобы избежать конфликтных ситуаций, свекровь могла адресовать свои слова не прямо снохе, а кому-то из близких, но так, чтобы слышали и те, кому они адресованы. Такие отношения могли быть и у матери с сыном. *Кереге* и *уук* в данном случае символизируют посторонний объект, к которому обращаются для отвода глаз.

Чыккан кыз чийден тышкары (букв. вышла дочь замуж – за порог юрты), т. е. замужняя дочь – чужая семья. Здесь тоже заложен культурный стереотип из традиционных обычаев киргизской жизни. У киргизов дочь, выходя замуж, навсегда считалась членом другой семьи. Поэтому в семье ее считали гостьей, к ней относились очень бережно, зная, что ей скоро придется покинуть порог своего дома.

В тувинском языке паремиологические единицы, посвященные юрте, информативны с точки зрения культурно-ментальных стереотипов (далее – КМС), согласно которым юрта рассматривается как обитель уюта и гостеприимства.

КМС «юрта – это место, где рады гостям»: *Кто в юрту зайдет – тот чаю попьёт.*

КМС «юрта – это место общения»: *В приветливой юрте народ собирается.*

Анализ тувинских пословиц и поговорок актуализировал также следующие когнитивные признаки.

Когнитивный признак «мера оценки человеческого возраста»: *Кижги өзер, кидис шөйлүр* (букв. человек растёт, кошма вытягивается) – старое старится, молодое растёт.

Когнитивный признак «мера оценки человеческого характера»: *Войлок выделкой пригож, нравом человек хорош.*

Когнитивный признак «мера оценки достижений»: *Вырос – не кичись, поставил юрту – не хвались.*

Культурно-ценностная составляющая концептов *БОЗ ҮЙ* и *ӨГ* демонстрирует, что юрта – это своего рода культурный код в сознании тувинского и киргизского народов, с которым соотносятся важные аспекты человеческой жизни. Юрта для киргизов и тувинцев была неотъемлемой частью их существования, она не только сформировала образ жизни, но и детерминировала сознание народов, фактически юрта – это микромир, в котором сконцентрирована культурно-духовная жизнь тувинцев и киргизов.

Выводы

Концепты *БОЗ ҮЙ* и *ӨГ* занимают в национальной картине мира киргизов и тувинцев ключевое место. Доминирование общих параллелей в когнитивно-семан-

тической трактовке концептов *БОЗ ҮЙ* и *ӨГ* детерминировано культурно-языковым родством киргизского и тувинского народов, длительным историческим сосуществованием в пределах единого географического ареала в Сибири.

Проведенный лингвокогнитивный анализ позволил смоделировать структуру концептов *БОЗ ҮЙ* и *ӨГ*, которая формируется следующими составляющими:

- 1) когнитивно-понятийное ядро;
- 2) образно-символический уровень;
- 3) культурно-ценностный уровень.

Когнитивно-понятийное ядро концептов *БОЗ ҮЙ* и *ӨГ* эксплицирует следующие знания:

- 1) целостность восприятия юрты у киргизов и тувинцев основывается на ассоциативном тождестве юрты и семьи, юрты и мироздания;
- 2) дискретность восприятия юрты определяется культурно-аксиологической значимостью каждого атрибута юрты;
- 3) взаимосочетаемость утилитарной ценности предметов быта и их эстетических свойств;
- 4) многофакторный принцип пространственной сегментации юрты.

Образно-символический уровень концептов выявил такие аспекты, как:

1) активное использование зоосимволов при делении внутреннего пространства тувинской юрты, где каждая ее часть определяется в соответствии с характером зодиакального животного;

2) в киргизском языке значительной символической нагрузкой наделены названия фрагментов юрты (*тундук, кереге, чамгарак, очок, уук, бакан*). При этом символы имеют как положительную, так и отрицательную коннотацию; так, угасание очага и разбрасывание золы символизируют крах рода.

Культурно-ценностный уровень концептов формируется следующими сведениями:

1) в киргизской культуре ритуалы носят церемониально-бытовой характер; среди них ритуалы с поднятием *тундука*, с переступанием порога юрты, с разведением очага и др.;

2) тувинские обряды с юртой имеют культурно-религиозную специфику, которая проявляется в синтезе элементов буддистских и шаманистских ритуалов.

Лингвокогнитивный анализ языковых выражений, вербализующих данные концепты, позволил эксплицировать весьма важные смысловые константы, знания, ценности, ментальные стереотипы, характеризующие миропонимание двух близких народов.

Список литературы

Анайбан З. В., Маннай-оол М. Х. Происхождение тувинцев. История вопроса // Новые исследования Тувы. 2013. № 3. С. 19–37. URL: <https://www.tuva.asia/journal/issue19/6487-anaiban-mannayool.html> (дата обращения 02.05.2021).

Акматалиев А. С. Кыргыздын кол өнөрчүлүгү. Бишкек: Кыргызстан, 1996. 328 с.

Алымбаева Б. Кыргыз элинин боз үйү. Тарыхый-этнографиялык очерк. Бишкек, 2016. 144 с.

Байыр-оол М. С. Юрта в тувинской традиционной культуре // Новые исследования Тувы. 2013. № 2. С. 67–79. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/242> (дата обращения 05.12.2020).

- Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 192 с.
- Ермолаев А. П.* Урянхайский край (материалы для характеристики Урянхайского края в торговом отношении). Минусинск, 1919. 26 с.
- Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 389 с.
- Кочкунов А. С.* Жилище в системе традиционной похоронно-погребальной обрядности кыргызского народа (на примере юрты) // Этнографическое обозрение. 2008. № 5. С. 144–159.
- Ламажаа Ч. К.* Тезаурусный подход к анализу тувинской культуры // Новые исследования Тувы. 2012. № 1. С. 25–46. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/351> (дата обращения 05.12.2020).
- Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 315 с.
- Слышкин Г. Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Автореф. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 39 с.
- Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. 989 с.
- ТРС – Тувинско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 648 с.
- Цыбенкова Ч. С.* Отражение традиционных ценностей в языковом сознании тувинцев (по данным ассоциативного эксперимента) // Вопросы психолингвистики. 2020. № 1 (43). С. 98–109.
- Шойдук Л. Ш.* Юрта – древнее жилище тувинцев // Искусство Евразии. 2019. № 3 (14). С. 302–316.
- Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь: В 2 кн. Около 40 000 слов. Фрунзе: Гл. ред. Киргиз. Сов. энциклопедии, 1985. Кн. 1: А–К. 504 с.; Кн. 2: Д–Я. 480 с.

References

- Akmataliev A. S. *Kyrgyzdyn kol өнөрчүлүгү* [Kyrgyz crafts]. Bishkek, Kyrgyzstan, 1996, 328 p.
- Alymbaeva B. *Kyrgyz elinin boz yуу. Tarykhyy-etnografyalyk ocherk* [The yurt of the Kyrgyz people. Historical and ethnographic essay]. Bishkek, 2016, 144 p.
- Anayban Z. V., Mannay-ool M. Kh. Proiskhozhdenie tuvintsev. Istoriya voprosa [The origin of the Tuvans. Background of the issue]. *The New Research of Tuva*. 2013, no. 3. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_19/6487-anayban-mannayool.html (accessed 02.05.2021).
- Bayyr-ool M.S. Yurta v tuvinskoy traditsionnoy kul'ture [Yurt in Tuvan traditional culture]. *The New Research of Tuva*. 2013, no. 2, pp. 67–79. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/242> (accessed 05.12.2020).
- Clyshkin G. G. *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty* [Linguocultural concepts and metaconcepts]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Volgograd, 2004, pp. 17–18.
- Ermolaev A. P. *Uryankhayskiy kray (materialy dlya kharakteristiki Uryankhayskogo kraya v torgovom otnoshenii)* [Urianhai Region (materials for the characteristics of Urianhai Region in terms of trade)]. Minusinsk, 1919, 26 p.
- Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, Gnozis, 2004, 389 p.
- Kochkunov A. S. Zhilishche v sisteme traditsionnoy pokhoronno-pogrebal'noy obryadnosti kyrgyzskogo naroda (na primere yurty) [Dwelling in the system of tradi-

tional funeral and burial rites of the Kyrgyz people (on the example of a yurt). *Etnograficheskoe obozrenie*. 2008, no. 5, pp. 144–159.

Lamazhaa Ch.K. Tezaurusnyy podkhod k analizu tuvinskoy kul'tury [Thesaurus approach to the analysis of Tuvan culture]. *The New Research of Tuva*. 2012, no. 1, pp. 25–46. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/351> (accessed 05.12.2020).

Popova Z. D., Cernin I. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, AST, Vostok-Zapad, 2007, 315 p.

Shoyduk L. Sh. Yurta – drevnee zhilishche tuvintsev [Yurt – the ancient dwelling of the Tuvans]. *The Art of Eurasia*. 2019, no. 3 (14), pp. 302–316.

Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 3rd. ed. Moscow, Akademicheskiiy proekt, 2004, pp. 42–67.

Tsybenova Ch. S. Otrazhenie traditsionnykh tsennostey v yazykovom soznanii tuvintsev (po dannym assotsiativnogo eksperimenta) [Reflection of traditional values in the linguistic consciousness of Tuvians (according to the associative experiment)]. *Journal of Psycholinguistics*. 2020, no. 1 (43), pp. 98–109.

Tuvinsko-russkiy slovar' [Tuvan-Russian dictionary]. E. R. Tenishev (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1968, 648 p.

Vorkachev S. G. *Schast'e kak lingvokul'turnyy kontsept* [Happiness as a linguistic concept]. Moscow, Gnozis, 2004, 192 p.

Yudakhin K. K. *Kirgizsko-russkiy slovar': V 2 kn.* [Kyrgyz-Russian dictionary: In 2 bks.]. About 40 000 words. Frunze, Gl. red. Kirgiz. Sov. entsikl., 1985, bk. 1: A–K. 504 p.; bk.: D–Ya. 480 p.

Информация об авторе

Замира Касымбековна Дербисшева, доктор филологических наук, профессор

Information about the author

Zamira K. Derbisheva, Doctor of Philology, Professor

*Статья поступила в редакцию 20.10.2021;
одобрена после рецензирования 22.03.2022; принята к публикации 22.03.2022
The article was submitted on 20.10.2021;
approved after reviewing on 22.03.2022; accepted for publication on 22.03.2022*